

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-116>

УДК 82-3

ПОКОЛЕНИЕ 1880-х гг. В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА: МОТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И СЮЖЕТНАЯ ДИНАМИКА

Л.Н. Синякова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Исследуется сюжет о человеке из поколения восьмидесятых годов в прозе А.П. Чехова 1886–1888 гг. («Хорошие люди», «На пути», «Верочка», «Огни»). Цель статьи – выявление атрибутирующих поколение мотивов и их функционирование в динамике сюжетов чеховской прозы в период трансформации его художественной парадигмы.

Персонажи рассказа «Хорошие люди» ассоциированы с мотивами *ложной деятельности, скуки, сомнения, ухода; изменения/неизменности*. Событийность в рассказе связана с мировоззренческими поисками героини, формирующими сюжет чеховского рассказа «открытия».

В рассказе «На пути» мотивы *энтузиазма, отсутствия цели, повторяемости, сочувствия* выстраивают иную конфигурацию образа поколения. В мироотношении человека поколения 1880-х гг., согласно авторскому видению, появляется энтузиазм «ищущего» героя.

Мотивы *нелюбви/непонимания, одиночества, «бегства жениха» и «старости души»* представляют чеховскую интерпретацию типа «слабого человека» («Верочка»). В восьмидесятые годы он приобретает качества «обыкновенного человека», обладающего не столько слабой волей, сколько инерционным мировоззрением.

Движение сюжета в повести «Огни» осуществляется посредством мотивов *пессимизма, скептицизма, разочарования, вины и «живой жизни» / «общей идеи*». Последние связаны с отказом героя от «философствования» и принятием процесса жизни как эмоционального соучастия.

Изменение комбинаций мотивов в чеховских сюжетах о «восьмидесятниках» на протяжении переломного периода творчества писателя позволяет проследить развитие авторской концепции поколения.

Ключевые слова: А.П. Чехов, поколение 1880-х гг., сюжет, мотив, разочарование, сомнение, одиночество, пессимизм, «живая жизнь», «общая идея».

Эпоха восьмидесятых годов обозначается современниками как «больное», «сумеречное» время, безвременье; Чехов ее определяет как эпоху поколения «сырости водосточных труб» [Созина, 2006]. Умонастроение русского общества в это десятилетие пессимистично: «Современная жизнь осмыслялась обществом в условиях и абстрактных образах ада: как мрак, мучение, “нищета ума”, “сон наш мятежный”, “скука жизни”. Возникал образ сумерек и роковой ночи как мифологического времени, времени смерти, а причины этого – в неких силах, которые стоят над человеком» [Бушканец, 2013, с. 18].

Л. Шестов, провозгласивший писателя «певцом безнадежности», относил начало этой творческой константы¹ к середине 1880-х гг. [Шестов, 2002]. Литература

¹ «Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти двадцатипятилетней деятельности Чехов <...> теми или иными способами убивал человеческие надежды. И в этом <...> сущность его творчества» [Шестов, 2002, с. 567].

отвечает на социальную дезориентацию поколения 1880-х гг. повышенным «этизмом» [Кондаков, 2010] – усилением внимания к нравственно-философской проблематике. Появляются новые или обновленные художественно-антропологические конструкты: «восьмидесятник», находящийся в состоянии экзистенциального поиска; обновляется статус «слабого человека» – тургеневского типа середины века; на периферии возникает тип лесковского праведника и т.п.

Культурно-антропологический феномен поколения 1880-х гг. (имеется в виду возрастной диапазон от 20 до 45 лет, то есть люди социально активного возраста, действовавшие в это десятилетие) впервые фиксируется в произведениях А.П. Чехова переломного периода (1886–1887) и становится одним из основных объектов зрелого творчества писателя. Трансформация образа человека 1880-х гг. в формулу всего поколения в прозе Чехова осуществляется в динамике сюжета о мировоззренческом кризисе современника именно в годы творческого перелома, поэтому научная разработка проблемы мотивной репрезентации характера «восьмидесятника» и сюжетной реализации его духовно-ментального кризиса представляется продуктивной для выявления авторской концепции поколения.

Целью статьи является исследование мотивной репрезентации образа человека 1880-х гг. в сюжетной динамике прозы А.П. Чехова 1886–1888 гг. Материалом послужили рассказы «Хорошие люди», «На пути» (1886), «Верочка» (1887) и повесть «Огни» (1888). В ходе работы применялись методы мотивного и системно-целостного анализа, методология типологических исследований.

Разнонаправленность мировоззренческих позиций внутри генерации стала основным сюжетным событием в рассказе «Хорошие люди». Владимир Семенович Лядовский, погруженный в самолюбование сотрудник отдела фельетонов в незначительной газете, полагает, что в своих критических сочинениях транслирует идеологию лучших людей поколения: «Владимир Семеныч искренно веровал в свою программу, не знал никаких сомнений и, по-видимому, был очень доволен собой» [Чехов, 1984, т. 5, с. 414]². Автор-рассказчик оценивает героя иронически: «Это пишущий, к которому очень шло, когда он говорил: “Нас немного!” или: “Что за жизнь без борьбы? Вперед!”», хотя он ни с кем не боролся и никогда не шел вперед» (т. 5, с. 414).

Сестра героя – врач, оставившая медицину вследствие семейного несчастья. В первоначальной ситуации рассказа она «в безделье и молчании, <...> поникнув головой и опустив руки, лениво и бесцветно доживала свою молодость» (т. 5, с. 415), что, впрочем, укладывается в магистральное умонастроение интеллигентных людей этого десятилетия. Пока брат писал литературно-критические опусы то о рассказе о крестьянском быте, то о повести о страданиях светской дамы в тенетах гражданского брака (будучи эстетически нечутким, он испытывал одинаковый

² Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.

восторг по поводу того и другого)³, сестра начала интересоваться общественными вопросами, в частности учением Л. Толстого: «Это было как раз время – восьмидесятые годы, когда у нас в обществе и печати заговорили о непротивлении злу, <...> когда кое-кто из нашей среды стал обходиться без прислуги, уходил в деревню пахать, отказывался от мясной пищи и плотской любви» (т. 5, с. 417).

Брат с сестрой стремительно расходятся и в идеях, и в способах доказательства их превосходства: Владимир Семенович, по образованию правовед, мыслит дедуктивно – из общей посылки выводит гипотетический случай в доказательство абсурдности непротивленчества⁴; Вера Семеновна обосновывает свои утверждения исходя из индуктивной логики «общих случаев». Отсюда ее сравнение мелкости мысли современной интеллигенции со взглядом из неподвижной точки: поднявшись на воздушном шаре, невольно можно обозреть и сам город, и окрестные поля, и деревни, и реки... (т. 5, с. 430). Начинаются споры: брат оспаривает идеи непротивленчества, сестра отвергает бесконечные беллетристические «шедевры» о том, чего не бывает.

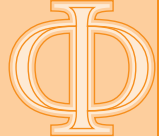
Логика общих случаев приводит героиню к крушению прежних ценностей: «Мне кажется, что современная мысль засела на одном месте и прилипла к этому месту. Она предубеждена, вяла, робка, боится широкого, гигантского полета, <...> она консервативна» (т. 5, с. 420). Наконец Вера Семеновна приходит к мысли о необходимости общественного служения и покидает дом – едет в другую губернию прививать оспу. Владимир Семенович продолжает жизнь «профессионального» энтузиаста: он «писал свои фельетоны, возлагал венки, пел “Gaudeamus”, хлопотал о “кассе взаимопомощи” <...>» (т. 5, с. 422). В свое время он покинул бранный мир, вскоре окончательно преданный забвению.

Сюжет рассказа выстраивается как история параллельно развивающихся событийных рядов: духовного прозрения сестры и псевдодеятельности брата. История Владимира Семеновича, рудимента «человека сороковых годов», выражается в формуле «скука жизни». История Веры Семеновны реализует жанровый потенциал чеховского «рассказа открытия» – здесь событие прозрения может быть расценено как переход в новый мировоззренческий статус.

Напомним, что оба персонажа принадлежат к поколению 1880-х гг., и вычленим его ведущие атрибуты, обращенные в мотивы *ложной деятельности, скуки, сомнения, ухода; изменения/неизменности*. Если сюжет, связанный с женским

³ В стиле критических разборов Владимира Семеныча заметно пародирование стиля литературной критики средней руки: «Передавая вкратце содержание повести, он выбирал лучшие места и прибавлял к ним от себя: “Не правда ли, как все это верно действительности, как жизненно и картинно! Автор не только повествователь-художник, но он также и тонкий психолог <...> Для примера возьмем хоть это рельефное описание душевного состояния героини <...>” и т.д.» [Чехов, 1984, т. 5, с. 416]. Авторская ирония заметна не только в интонации, но и в использовании наречия со значением (беглого) перечисления «и т.д.».

⁴ Например, ссыла на огородника из лесковских «Соборян» (Пизонского), когда он сеял не только на долю покупателей и нищих, но и тех, кто крадет урожай. В этом герой находит уравнивание честных людей с ворами и даже поощрение последних вседозволенностью.

персонажем, динамичен – от «безделья» и «бесцветного проживания» к осмысленной деятельности, то сюжет, координированный с другим персонажем, Владимиром Семенычем, статичен: это отсутствие движения смыслов (от одной ложной деятельности к другой, от одной суеты к другой; качественных изменений в событийности индивидуального сюжета персонажа не наблюдается).

В сюжете рассказа «Хорошие люди» обозначается расхождение в социальном поведении представителей одного поколения: бесполезная кипучая деятельность, с одной стороны, и позднее народничество, следование теории «малых дел» – с другой.

В известном рассказе писателя «На пути» герой рудинского плана (что было замечено еще современной писателю критикой)⁵ исповедуется перед случайной попутчицей. Лихарев – человек, растративший свою «необыкновенную способность верить» в бесконечных поисках незыблемой веры. Энтузиазм Лихарева направлен на более широкое поле деятельности, нежели «общественное» воодушевление героя предыдущего рассмотренного нами рассказа, – это не «литература» (как гордо называл свое занятие Лядовский), то есть никому не нужная критика в заштатной газете, а совершенствование русской жизни как таковой: «Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений <...>. Если русский человек не верит в бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое» (т. 5, с. 468).

Сменив множество убеждений, в сюжетном времени рассказа герой исповедует толстовство 1880-х гг.: «Последней моей верой было непротивление злу» (т. 5, с. 470). Хаотизация социальной деятельности персонажа выражается во множестве совершенно искренних «вер», которым он предавался на протяжении жизни: «Полжизни я состоял <...> в штате атеистов и нигилистов, но не было в моей жизни ни одного часа, когда бы я не веровал» (т. 5, с. 468). Наука, славянофильство, археология, народная культура сменяли друг друга в потоке все новых и новых увлечений, лучше сказать – идеологических приключений: «увлекался я идеями, людьми, событиями, местами... увлекался без перерыва!» (т. 5, с. 470). Однако ни единой из своих «вер» Лихарев не был способен исповедовать несомненно и окончательно: «Изменял я тысячу раз. Сегодня верую, падаю ниц, а завтра уж я трусом бегу от сегодняшних моих богов и друзей <...> Ни разу в жизни я умышленно не солгал и не сделал зла, но нечиста моя совесть!» (т. 5, с. 471).

Если проецировать эту неспособность остановиться на чем-либо окончательно на ментальный облик всего поколения, то получается смешение личного энтузиазма и исторической бесперспективности. Поэтому, отъезжая поутру на дальнюю шахту попробовать себя в роли управляющего, Лихарев выглядит человеком, который уже не обретет никакой новой веры: созидательный потенциал поколения исчерпан. В восприятии барышни Иловайской, осознающей безысходность последней попытки Лихарева вдохновиться служением на шахте, «невесело слушать, когда балагурят несчастные или умирающие» (т. 5, с. 477).

⁵ См.: коммент. [Чехов, 1984, т. 5, с. 674].

Героиня, напротив, испытывает в эту рождественскую ночь пробуждение «чувства жизни», едва удержавшись от мгновенного порыва следовать за попутчиком: «ему вдруг стало казаться, что еще два-три <...> штриха, и эта девушка простила бы ему его неудачи, старость, бездолие и пошла бы за ним, не спрашивая, не рассуждая» (т. 5, с. 477).

Рассказ транслирует уже иное качество интенциональности героини – не рациональное, а витально-эмоциональное, поэтому появляется ослабленный в «Хороших людях» мотив сочувствия. Сюжет о поиске веры/идеи реализован в системе мотивов: *энтузиазм, отсутствие цели, повторяемость, сочувствие*. Отметим, что деятельность героя теряет качество «миражности», которым отмечена псевдодейтельность персонажа «Хороших людей». Человек 1880-х годов приобретает в авторском мировоззрении более устойчивые социально-антропологические характеристики по сравнению с героями предыдущего рассказа.

В рассказе «Верочка» сюжетные события группируются вокруг ситуации «русского человека на rendez-vous», выявляющей неготовность «слабого человека» к душевным испытаниям [Одесская, 2011, с. 341–342]. Молодой петербургский ученый Иван Алексеич Огнев накануне отъезда из провинции, где он собирал данные, выслушивает неожиданное признание в любви. Вполне возможно, что Верочка придумала себе какого-то «сочиненного» Огнева, хотя он вполне зауряден. Во всяком случае, героиня произносит отчасти заимствованный из народнической литературы монолог: «Я не могу здесь оставаться! <...> Я не выношу постоянного покоя и бесцельной жизни, не выношу наших бесцветных и бледных людей, которые все похожи один на другого, как капли воды! <...> А я хочу именно в большие, сырые дома, где страдают, ожесточены трудом и нуждой...» (т. 6, с. 78–79). Нашедшая в себе силы признаться в своих чувствах к Огневу, героиня, скорее всего, ищет не столько любви соратника, сколько полезной деятельности. Герой растерян: рассуждения Веры о бедных показались ему «приторными и несерьезными», и он «решительно не знал, что ему говорить, а говорить было необходимо. Сказать прямо “я вас не люблю” ему было не под силу, а сказать “да” он не мог, потому что, как ни рылся, не находил в своей душе даже искорки...» (т. 6, с. 78).

В размышлениях Огнева прочитывается пушкинская формула «преждевременная старость души» – болезнь века, неожиданно вернувшаяся в 1880-е гг.⁶: «Ах, да нельзя же насильно полюбить! <...> Когда же я полюблю не насильно? Ведь мне уже под 30! Лучше Веры я никогда не встречал женщин и никогда не встречу... О, собачья старость! Старость в 30 лет!» (т. 6, с. 78). Авторефлексия персонажа эксплицирует этико-эмоциональное бессилие всего поколения: «Ему хотелось найти причину своей холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная

⁶ В письме к В.П. Горчакову (октябрь-ноябрь 1822 г.) А.С. Пушкин оставил суждение о герое поэмы «Кавказский пленник»: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [Пушкин, 1962, т. 9, с. 55].

холодность, которую так часто хващают умные люди, не холодность себялюбивого глупца, а просто бессилие души, неспособность воспринимать глубоко красоту, ранняя старость, приобретенная путем воспитания, беспорядочной борьбы из-за куска хлеба, номерной бессемейной жизни» (т. 6, с. 80).

В рассказе предстает женский персонаж, способный пойти за героем «на борьбу», но тот не находит ни предмета борьбы, ни душевных сил его искать. В его «свернутой» автобиографии угадывается жизнь разночинца-позитивиста, человека без идеала и выраженного мировоззрения. Мотивы *нелюбви/непонимания, одиночества, «бегства жениха»* и *«старости души»* являются в повествовании сюжетогенными, в системе мотивов-предикатов манифестируя образ действий человека эпохи. Все они могут быть сведены к семантике отсутствия (чувства, взаимопонимания, жизненной цели). Ведущий персонаж обнаруживает черты типа «слабого человека» в ситуации 1880-х гг., когда «ранняя старость» (душевная вялость) объясняется «бытом», а не «историей»⁷. Характер персонажа репрезентирует не философский пессимизм, которым были отмечены «лучшие люди» поколения, а вариант «обыкновенного человека», чеховского героя с его инерционностью восприятия окружающего, приемлющего ближний культурно-бытовой контекст.

Повесть «Огни» тематически выстроена на мировоззренческой антитезе представителей одного поколения, первый из которых, инженер Ананьев, почти достиг верхней возрастной границы; второй же едва преодолел возрастной ценз – студенту барону фон Штенбергу 23–24 года (т. 7, с. 109). Штенберг – молодой скептик, полагающий, что вокруг нет ничего нового и неизвестного: «Ничего я пока не вижу хорошего ни в определенном деле, ни в определенном куске хлеба, ни в определенном взгляде на вещи. Все это вздор. Был я в Петербурге, теперь сижу здесь в бараке, отсюда уеду осенью в Петербург, потом весной опять сюда... Какой из всего этого выйдет толк, я не знаю, да и никто не знает... Стало быть, и толковать нечего...» (т. 7, с. 110)⁸. В облике студента рассказчик считывает черты, присущие всему поколению «хмурых людей»: «Загорелое, слегка насмешливое, задумчивое лицо <...> и вся фигура выражали душевное затишье, мозговую лень...» (т. 7, с. 110). Безразличие и философский пессимизм, согласно которому жизнь метафизична и бессмысленна, лишают человека 1880-х гг. вовлеченности в процесс жизни. «Никто ничего не знает и ничего нельзя доказать словами», – упорствует в своем недоверии к сущему студент (т. 7, с. 137).

⁷ П.В. Анненков, предложивший именование представленного в «Асе» Тургенева типа «слабый человек», объяснял его появление характером эпохи, признавая пользу этой социально-психологической формации в исторической перспективе («Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”») [Анненков, 1858].

⁸ А.С. Собенников, отмечая интерес Чехова к философскому наследию Соломона, справедливо утверждает: «Проблема познания, “гносеологическая тема”, сама оппозиция “казалось” – “оказалось” в творчестве Чехова конца 80-х гг. <...> были спровоцированы “Соломоновскими” текстами». Исследователь полагает, что «Огни» в связи с постановкой «соломоновской» задачи доказать бессилие мудрости перед «суею сует» – «именно философская, а не идеологическая или психологическая повесть» [Собенников, 2021, с. 245].

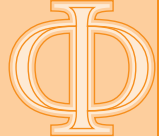
Инженер Ананьев уверен, что суть жизни постигается в ее витальных проявлениях и потому ментальные конструкции не в состоянии ее описать. В молодости мы начинаем с мысли об онтологической и ценностной исчерпанности самого понятия «жизнь», и только проживание каждого дня в многообразии случайностей, привязанностей, увлечений придает жизни смысл: «Мысли о бесцельности жизни, о ничтожестве и бренности видимого мира, соломоновская “суета сует” составляли и составляют до сих пор высшую и конечную ступень в области человеческого мышления. Этим завершается деятельность человеческого мозга, что естественно и в порядке вещей. <...> Наше же несчастье в том, что мы начинаем мыслить именно с этого конца», пропуская те «ступени, которые пониже» (т. 7, с. 110–111). Ананьев называет философский пессимизм «злом и абсурдом» для человека, едва начавшего жить, ибо он обесценивает любую деятельность и любые социальные и нравственные вопросы.

Назвав родовой недуг поколения 1880-х гг., инженер рассказывает случившуюся с ним, еще 25-летним погруженным в «соломоновский» пессимизм человеком, историю о неожиданной встрече с Кисочкой. Кисочка была когда-то знакома Ананьеву – в период его далекой и свободной от философствования юности. Соблазнив ее, он вдруг начинает испытывать необъяснимое с точки зрения рационального индифферентизма беспокойство. Страдание от совершенного им зла означало настигший героя бытийный кризис: он «прозрел и понял наконец», что «мысли мои не стоят гроша медного и что до встречи с Кисочкой я еще не начинал мыслить <...> что у меня не было ни убеждений, ни определенного нравственного кодекса» (т. 7, с. 113).

Вывод о своей несостоятельности как отстраненного от «живой жизни» мыслителя Ананьев проецирует на всю генерацию: «Эту виртуозность, игру в серьезную мысль наше поколение внесло в науку, в литературу, в политику <...>, а с виртуозностью вносило оно свой холод, скуку, односторонность <...>» (т. 7, с. 136). Раздраженный «учительной» интонацией⁹ инженера Штенберг косвенно подтверждает этот вывод, декларируя свое неучастие в эмоциональной связи с миром: «Я люблю слушать и читать, но верить <...> я не умею и не хочу. Я поверю одному только богу, а вам, хоть бы вы говорили мне до второго пришествия и обольстили еще пятьсот Кисочек, я поверю только, когда сойду с ума...» (т. 7, с. 138).

Убеждение в том, что «живая жизнь» осуществляется в открытости сознанию другого человека, а ее противоположность – умозрительное знание приводит к «сочной мысли о бесцельной жизни и загробных потемках» (т. 7, с. 135), составляет рецепт выхода поколения из философского тупика. Тезис о сложности текущей, а не философски сконструированной действительности подтверждается автором-рассказчиком: «Ничего не разберешь на этом свете!» – и согласной с ним природой, которая будто вторит: «Да, ничего не поймешь на этом свете!» (т. 7, с. 140). Умонастроение «сумеречного» времени вытесняется

⁹ Риторическая установка Огнева анализируется, в частности, в монографии [Катаев, 1979, с. 29–44].

«чувством жизни». Движение сюжета осуществляется в системе мотивов: *пессимизма, скептицизма, разочарования, вины* и «живой жизни» / «общей идеи».

Таким образом, ментальная дезориентация восьмидесятников постепенно сменяется в чеховских сюжетных мотивировках витальным оптимизмом. Эта сюжетная динамика наблюдается в последовательности позднейших чеховских произведений: «Дуэль» (1891), «Рассказ неизвестного человека» (1892), «Случай из практики» (1898) и др.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси» // Атеней. 1858. № 32. Август. С. 322–350. URL: https://dugward.ru/library/turgenev/annenkov_literaturny_tip.html? (дата обращения: 09.04.2022).
2. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и русское общество 1880–1917 годов. Формирование литературной репутации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2013. 39 с.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
4. Кондаков В.Б. Этическое пространство русской литературы 1880-х гг. // Филология и искусствоведение. 2010. С. 95–103.
5. Одесская М.М. Чехов и проблема идеала. М.: РГГУ, 2011. 497 с.
6. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 9. 495 с.
7. Собенников А.С. Творчество А.П. Чехова: пол, гендер, экзистенция. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 288 с.
8. Созина Е.К. О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 82–97.
9. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1984. Т. 5. 703 с.
10. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 6. 735 с.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 7. 734 с.
12. Шестов Л. Творчество из ничего (А.П. Чехов) // А.П. Чехов: pro et contra. А.П. Чехов в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 566–598.

Сведения об авторе

Людмила Николаевна Синякова – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы, Новосибирский государственный университет; e-mail: scholast@ngs.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-116>

GENERATION OF THE 1880S IN A.P. CHEKHOV'S PROSE: MOTIF REPRESENTATION AND PLOT DYNAMICS

L.N. Sinyakova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article deals with motifs and anthropology problems of the 1880s generation based on A.P. Chekhov's prose ("Excellent People", "On the Road", "Verochka", "Lights").

The purpose of the article is to reveal the main Chekhov's motifs to describe the generation, and then to investigate Chekhov's plot dynamics from 1886 to 1888.

Research results. The characters of "Excellent People" are determined by *false activity, boredom, doubt, leaving home* and *changeable/unchangeable* motifs. The inner event is outlook searches for a female character, forming Chekhov's "opening" short story genre.

The motif markers of the 1880s generation in "On the Road" are *enthusiasm, aimlessness, recurrence, and empathy*. The main hero is looking for his credo during all his life, so he may be called the "searching" hero.

The hero of "Verochka" is a kind of a "weak man" type. The author's interpretation of the type is represented by *misunderstanding, loneliness, eligible bachelor runaway* and *old aged soul*. Finally, the male character turns into an "ordinary man" literary type.

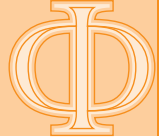
The plot moving in "Lights" is provided by *pessimism, skepticism, disillusion, guilt, real life* and the *common idea* motifs. The last motifs are connected with the main hero rejecting philosophic reflection and his acceptance of life in its variety.

The change in the combinations of motifs in Chekhov's stories about the "eighties" during the critical period of the writer's work allows us to trace the development of the author's concept of the generation.

Keywords: *A.P. Chekhov, the 1880s generation, plot, motif, disillusion, doubt, solitude, pessimism, real life, common idea.*

References

1. Annenkov On Turgenev's "Asya" // *Atenei*. August. 1858. No 32. P. 322–350.
2. Bushkanets L.E. A.P. Chekhov and Russian Society of the 1880 – 1917-s. The Formation of the Literary Reputation: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2013. 39 p.
3. Kataev V.B. The Prose of Chekhov. Interpretation Problems. M.: Moscow Uni. Press, 1979. 327 p.
4. Kondakov V.B. Ethic Space of Russian Literature // *Filologiya i iskusstvovedenie*. 2010. P. 95–103.
5. Odesskaya M.M. Chekhov and the Problem of Ideal. M.: RGGU, 2011. 497 p.
6. Pushkin A.S. Collected Works in 10 v. M.: GIKHL, 1962. Vol. 9. 495 p.
7. Sobennikov A.S., *Tvorchestvo A.P. Chekhov's Creative Work. Sex, Gender, Existence*. M.: Izdatel'skii Dom YASK, 2021. 288 p.
8. Sozina E.K. On Downpipe Wetness. The Philosophy Anthropology Dimension of Chekhov's Creation Work in the Eighties Generation Context // *Kritika i semiotika*. 2006. No 10. P. 82–97.
9. Chekhov A.P. Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 18 vol. M.: Nauka Publ., 1984. Vol. 5. 703 p.
10. Chekhov A.P. Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 18 vol. M.: Nauka Publ., 1985. Vol. 6. 735 p.

11. Chekhov A.P. Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 18 vol. M.: Nauka Publ., 1984. Vol. 7. 734 p.
12. Shestov L. The Creation out of Nothing // A.P. Chekhov: pro et contra. A.P. Chekhov v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914): antologiya. S.-Petersburg: RKHGI, 2002. P. 566–598.

About the author

Sinyakova Lyudmila Nikolaevna – DSc (Philology), Professor, History and Theory of Literature Department, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); e-mail: scholast@ngs.ru